

**БУДУЩЕЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

**Российское образование.
Цивилизационный вектор**

**«РУСЬ, КУДА Ж НЕСЕШЬСЯ ТЫ?»
(Некоторые социально-философские
и политико-образовательные проблемы)*
Часть 3**

О.Н. СМОЛИН

Вера вместо знания?

В свое время автор широко известной теории архетипов Карл Юнг утверждал, что человеку свойственны и необходимы два типа мышления:

направленное – систематизированное, рациональное, логическое, наиболее ярко выраженное в науке;

ненаправленное – несистематизированное, иррациональное, алогичное, наиболее ярко выраженное в искусстве и религии.

При этом, по мнению этого ученика, а затем оппонента Зигмунда Фрейда, нация, утратившая свои мифы и своих богов, обречена на гибель. Однако вопрос о том, что будет с нацией, утратившей вкус к науке и логическому мышлению, К. Юнгом поставлен не был. Видимо, в первой половине XX в. никому не могло прийти в голову, что такое возможно. Между тем для современной России такая угроза представляется вполне реальной.

В этом отношении 2012 г. наиболее рельефно проявил ранее вызревавшие тенденции антисекуляризации и активного проникновения церкви во все сферы духовной жизни общества. Приведем лишь несколько примеров из близкой автору сферы законодательства.

1. 25 сентября 2012 г. Государственная Дума голосами всех фракций приняла специальное заявление «О защите религиозных чувств граждан Российской Федерации», в котором, в частности, содержится следующее утверждение: «Государственная Дума выражает уверенность, что в настоящее время все политические силы страны должны объединить свои усилия для укрепления национального единства, упрочения гражданского мира и согласия, сплочения российского народа на основе наших традиционных духовных ценностей. Этому может способствовать дальнейшее религиозное просвещение обще-

* Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12.

ства, включая соответствующую духовно-воспитательную работу среди молодежи».

При обсуждении Постановления в Думе известный математик, член-корреспондент Большой академии и депутат Парламента Борис Кашин пытался исключить в словосочетании «религиозное просвещение» слово «религиозное», однако поправка была отклонена. Двумя годами ранее тот же Б. Кашин предлагал поправки в Федеральный закон о государственном гимне, где со ссылкой на установленный Конституцией светский характер государства предлагал исключить упоминание о Боге – заменить в тексте гимна слова «храняемая Богом» словами «храняемая нами». Оставляя в стороне вопрос о том, следует ли понимать это выражение в тексте гимна буквально или оно является художественным образом, отмечу: против законопроекта Б. Кашина проголосовали все фракции, включая фракцию КПРФ, в которой он состоит.

Между тем история, конечно, знает примеры религиозного просвещения – преимущественно в Средние века, а также в тех странах, которые не вполне преодолели средневековое состояние. Однако в абсолютном большинстве случаев просвещение в истории имело светский, а нередко и прямо антиклерикальный и даже антирелигиозный характер.

Общеизвестно: наиболее яркие примеры «просвещенного абсолютизма» в России дают Петр I и Екатерина II. Но именно при них наиболее активно проходили и процессы секуляризации, включая замену Патриаршества Священным синодом (т.е. прямым государственным управлением), изъятие земли у монастырей и даже литье пушек из колоколов.

Екатерину II не без некоторых оснований именуют вольтерьянкой – и потому, что она переписывалась с известным французским философом, и потому, что разделяла некоторые его идеи. Между тем мало кто так много, как Вольтер, иронизировал по поводу средневековых церковных установлений. За будущее вольтеровского наследия в России в современной ситуации вряд ли кто-то рискнет поручиться.

2. 29 декабря 2012 г. Президент России подписал Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Внесенный Правительством и принятый в первом чтении Госдумой соответствующий законопроект с интересующей нас точки зрения содержал, в частности, следующие положения:

- 1) среди всех школьных предметов особым статусом наделен только один – духовно-нравственная культура;
- 2) духовно-нравственная культура практически целиком сведена к религиозной культуре;
- 3) курсы духовно-нравственной (читай: религиозной) культуры по сути переводятся из числа факультативных (необязательных) в элек-

тивные (избираемые в обязательном порядке) или в обязательные и включаются в основные образовательные программы;

4) впервые на уровне закона в высших учебных заведениях вводится специальность «теология». Прежде она устанавливалась образовательными стандартами и в целях соблюдения приличий нередко именовалась «светской». В законе же она выделена особо и прямо поставлена под контроль религиозных организаций;

5) централизованным религиозным организациям дано право рецензирования программ и учебных пособий по основам духовно-нравственной культуры, а также теологии;

6) те же организации фактически превращаются в общественные аккредитационные и кадровые «агентства» по оценке образовательных программ в области духовно-нравственной культуры и отбору преподавателей дисциплин, так или иначе связанных с религией;

7) частные учебные заведения получили право вводить в образовательные программы религиозный компонент без учета мнения родителей или студентов.

5 декабря 2012 г. на заседании профильного комитета, где обсуждались предложенные ко второму чтению законопроекта поправки, состоялась дискуссия между автором этих строк и протоиереем Всеволодом Чаплиным при участии других членов комитета по образованию. Вот фрагменты дискуссии.

Смолин О.Н.: «Текст первого чтения и... текст второго чтения предусматривают, что частные образовательные организации вправе на основании представления религиозной организации включить ... религиозные компоненты... На мой взгляд, это вопрос политический. Понимаю, что предложение это исходит от православной церкви, но думаю, что оно будет реализоваться по известному принципу Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»... этим положением постараются воспользоваться совсем другие организации, и как бы мы в частных школах не получили школы для Талибана. Я бы настоятельно просил исключить это положение из законопроекта во избежание печальных политических последствий».

Протоиерей Всеволод Чаплин, председатель отдела Московского патриархата по взаимоотношению церкви и общества: «Те предложения, которые включены, получили поддержку, в том числе Межрелигиозного совета России, который объединяет православных, христиан, мусульман, буддистов, иудеев. И предложения являются плодом не простого компромисса... У России есть возможность не допустить преподавания в школах экстремистских псевдорелигиозных учений... речь идет об уже сформировавшейся практике, которую невозможно исключить из жизни, как невозможно вернуться в Советский Союз. И речь идет об общепринятой в мире практике. Везде религиозные

общины проводят свою экспертизу тех курсов, которые связаны с учениями данной религиозной общины. Везде есть право свободного выбора людей изучать то или иное религиозное учение в школе... Мы здесь отстаиваем практику уже сложившуюся в нашей стране... эту практику не нужно пытаться в очередной раз оспорить и разрушить. Это уже невозможно, и мы никому не позволим это сделать...»

Гильмутдинов И.И., депутат Государственной думы: «У меня, например, есть весьма серьезные опасения, что если мы оставим религиозное образование и дадим право соответствующим организациям реализовывать это и делать из этого... особую образовательную программу, мы можем получить учреждение, в котором будут воспитываться далеко не православные традиции, далеко не высоконравственная мораль, а нечто совсем другое. И запретить доступ экстремизму здесь будет совсем, совсем непросто, потому что проконтролировать каждую такую частную организацию в условиях... нашего громадного государства будет совсем непросто, поэтому я бы здесь поддержал позицию Олега Николаевича и коллег».

Мануйлова И.В., депутат Государственной думы: «Пока частная школа не получала у нас бюджетного финансирования, вопросов не было. Но сегодня, когда мы на законодательном уровне приняли, что те, кто прошел государственную аккредитацию, получил финансирование на реализацию общеобразовательных программ, этот вопрос возникает. Те организации, которые будут сегодня реализовывать перечисленные здесь курсы... будут получать при этом бюджетное финансирование. На мой взгляд, это не совсем правильно и не совсем справедливо».

Дегтярёв А.Н., председатель Комитета Государственной Думы по образованию: «...у нас, поскольку церковь отделена от государства, образование провозглашено светским. Но дело в том, что если частная образовательная организация получает от государства субсидии на ведение образовательной деятельности, тем самым она подпадает под этот стандарт. И по-другому мы это не мыслим. Тогда, извините, можно получать деньги от государства и проповедовать... свои... внутренние религиозные вещи. Или — или: нужно сделать выбор. Или это религиозная школа, неважно, какой она конфессии, или это школа, которая в рамках государственной образовательной деятельности ведет обучение детей по федеральным государственным образовательным стандартам».

Как видно по приведенному фрагменту, а еще очевиднее было по тону участников дискуссии, настроению в комитете, включая его Председателя, склонялось к принятию предложенных мною поправок и ограничению религиозного влияния в муниципальных учебных заведениях.

Однако через два дня на заседании комитета 7 декабря 2012 г. ситуация резко изменилась. Согласно конфиденциальной информации, на руководство комитета было оказано сильное давление со стороны администрации Президента, поддержанное и Правительством. В итоге даже те очень умеренные поправки, которые первоначально предлагались депутатами от «Единой России», были отклонены, и подписанный Президентом текст закона в части отношения образования и религии принципиально ничем не отличается от его версии, принятой Думой в первом чтении.

Приведу результаты голосования по моей поправке № 779, которая предусматривала, чтобы так называемые основы духовно-нравственной (а на деле религиозной) культуры изучались исключительно на факультативной основе:

КПРФ: за — 97,8%; не голосовали — 2,2%.

ЛДПР: за — 96,4%; не голосовали — 3,6%.

«Справедливая Россия»: за — 17,2%; против — 1,6%; не голосовали — 81,3%.

«Единая Россия»: не голосовали — 100%.

3. Следующий шаг по пути нарушения принципов светского образования был сделан в так называемом сопровождающем законе¹. В тексте соответствующего законопроекта, принятого в первом чтении, всем государственным и муниципальным образовательным учреждениям было разрешено иметь так называемые моленные комнаты. Цитирую статью 48:

«Религиозные обряды могут также проводиться в зданиях (строениях) религиозного назначения, расположенных на территории образовательных организаций, а также в помещениях, специально выделяемых администрацией таких организаций, по просьбе совершеннолетних обучающихся или родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся этих образовательных организаций».

Попытка автора исключить упоминание о моленных комнатах при рассмотрении законопроекта во втором чтении на пленарном заседании Государственной Думы 19 июня 2013 г. закончилась относительной неудачей. Фракции проголосовали за соответствующую поправку следующим образом:

ЛДПР: за — 100 %.

КПРФ: за — 99%, не голосовали — 1%.

«Справедливая Россия»: за — 61%, не голосовали — 39%.

«Единая Россия»: против — 0,4% (1 человек), не голосовали — 99,6%.

Тем не менее, неудача была относительной, поскольку текст законопроекта в окончательной редакции был существенно изменен. Вот этот текст (статья 50):

«Религиозные обряды могут проводиться также в зданиях, строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов».

Приведу фрагмент полемики по этому поводу между автором и Председателем думского комитета Вячеславом Никоновым.

Смолин О.Н.: «...начну с того, что, на мой взгляд, введение молельных комнат плохо по двум причинам: один аргумент юридический, другой аргумент политический.

Юридический аргумент заключается в том, что наша Конституция, как известно, устанавливает светское образование, и закон «Об образовании...» — тем более. Я занимаюсь образовательным законодательством с 1990 года, и все известные мне комментаторы и разработчики законопроектов... однозначно трактовали проведение религиозных обрядов как нарушение принципа светскости образования.

Политический аргумент заключается в том, что мы вольно или невольно... переносим возможные межконфессиональные конфликты на территорию образовательных учреждений, — вольно или невольно! И действительно... с одной стороны, мы беспокоимся по поводу мусульманских платков, с другой стороны, мы принимаем закон «Об образовании...» в такой редакции, которая фактически отступает от светского характера образования, а сейчас еще и продолжаем движение в этом направлении.

Уважаемый Вячеслав Алексеевич, конечно, прав: новая редакция, которая предложена в последний момент, лучше прежней. Но обращаю ваше внимание на следующее: новая редакция закона, которая предполагает, что можно проводить религиозные обряды в специально построенных зданиях, провоцирует учебные заведения на строительство таких зданий на своей территории. Приведу пример: мой друг, до недавнего времени ректор крупного университета, построил на территории университета небольшую церковь; он человек православных взглядов; тут же к нему пришли мусульмане и потребовали построить мечеть. Еще не пришли иудеи, но в принципе тоже могли бы. Это провоцирует возникновение конфликтной ситуации...»

Никонов В.А.: «Положения о молельных комнатах — для кого-то к сожалению, для кого-то к счастью — в законе нет. Мы абсолютно уверены, что та поправка, за которую проголосовали, абсолютно не провоцирует никакой национальной розни, она позволяет проводить религиозные обряды в зданиях и строениях, которые расположены на территории образовательных организаций, уже существующих,

а также в помещениях тех организаций, которые исторически использовались для проведения религиозных обрядов на протяжении десятилетий, столетий и так далее. Речь идет об учебных заведениях, в том числе, кстати, и о воскресных школах, и об учебных заведениях, которые расположены на территории культовых объектов, например монастырей. Ничего угрожающего межнациональному миру в этих формулировках, безусловно, нет».

Позволю себе три комментария.

Во-первых, я говорил об угрозе не межнациональному, но межконфессиональному миру, что вовсе не одно и то же.

Во-вторых, вопреки заявлению Председателя Комитета, воскресные школы не имеют к данному сюжету никакого отношения: речь в нем идет не об образовании на территории религиозных организаций, но о религиозных обрядах на территории организаций образовательных.

В-третьих, новый текст второго чтения действительно намного лучше, чем был принят в первом. Однако он, несомненно, провоцирует открытие молельных зданий на территории учебных заведений.

В значительной степени ситуацию удалось изменить потому, что незадолго до описанного выше пленарного заседания на «корабле» думского комитета по образованию возник если не бунт, то ропот: два депутата от «Единой России» заявили, что они не приемлют текст первого чтения и, если он не будет изменен, проголосуют за поправку Смолина. Согласно не официальной, но в высокой степени достоверной информации, последняя версия текста утверждалась у Патриарха Всея Руси.

В итоге новый шаг от светского образования оказался не столь большим, как первоначально планировался.

4. На протяжении всего политического сезона 2012 – 2013 гг. активные дискуссии в СМИ и Интернете вызывал внесенный представителями всех фракций Государственной Думы проект Федерального закона, предусматривающий уголовное наказание не только за осквернение религиозных объектов, но и за оскорбление религиозных верований и чувств. Не имея возможности специально анализировать закон, замечу лишь, что, с точки зрения интересующей нас темы, он оставляет открытым вопрос о том, что будет с богатой мировой фило-софской и художественной литературой атеистического или просто антиклерикального толка? Ведь наверняка найдутся радикально настроенные верующие, убежденные, что их чувства оскорбляет безбожие как таковое или даже религиозная индифферентность. Именно в этом заключался смысл вопроса, заданного автором этих строк Председателю думского Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Ярославу Нилову при обсуждении

законопроекта в первом чтении на пленарном заседании Госдумы 9 апреля 2013 г. Цитирую:

Смолин О.Н.: «Недавно в Государственной Думе по инициативе нашего руководства впервые отмечали Всемирный день поэзии. Цитирую знаменитого поэта:

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

.....
Я презираю лживых, лицемерных
Молитвенников сих, ослов примерных
Они же, под завесой благочестья,
Торгуют верой хуже всех неверных.

Вопрос: не посчитают ли некоторые верующие свои чувства оскорбленными такой поэзией? Не запретят ли у нас такого поэта — а это написано Омаром Хайямом за тысячу лет до советской эпохи — и какое наказание может последовать за публичное чтение подобных стихов после принятия закона?»

Нилов Я.Е.: «Еще раз повторю: не надо уходить в крайности, а то мы должны будем всей стране выписать административные штрафы. По моему убеждению, ничьи чувства в данном случае не оскорбляются, потому как это художественная литература и даже публичное чтение... Другое дело, какие комментарии могут последовать со стороны чтецов этой литературы.

Рассмотрим ситуацию. Вы подошли, например, к храму, там находятся верующие, и вы принесли с собой икону, это ваша частная собственность, начинаете ее осквернять — вот в данном случае вы понесете ответственность в виде административного штрафа в размере максимум тысячи рублей. Но если вы, оскверняя икону, еще будете выкрикивать разные хамские выражения или призывы, то здесь уже можно «наговорить» и на 282-ю статью. Это вопрос уже к правоприменителям, это вопрос к органам досудебного разбирательства, вопрос к следственным органам и, конечно, это вопрос качественного судебного решения. Я еще раз повторяю: ...мы не хотим повторения ГУЛАГа и не хотим повторения Бутовского полигона, но уголовная ответственность, для того чтобы на корню пресекать попытки провоцировать наше общество на беспорядки, должна быть»².

Как видит читатель, для большей убедительности Председатель профильного комитета подменил вопрос об оскорблении религиозных убеждений и чувств другим вопросом — об осквернении объектов религиозного культа.

В целом же в фоне думской дискуссии инициаторы законопроекта постоянно подменяли юридический вопрос о расплывчатости определения понятия «оскорбление религиозных убеждений и чувств» соображениями политического характера: советское атеистическое общество было плохим и потому следует как можно быстрее от этой традиции отказаться. При этом всячески подчеркивалась «неполноценность» атеистов и примыкающих к ним религиозно индифферентных агностиков.

Параллельно выдвигался крайне сомнительный аргумент в пользу того, почему закон специально защищает религиозные убеждения и чувства, но никак не защищает убеждений и чувств неверующих. Смысл аргументации: у неверующих отсутствует сакральное пространство, поэтому их убеждения и чувства в защите не нуждаются. Нелепость этой позиции очевидна всем, кроме его авторов, ибо в переводе на русский язык она означает, что у нерелигиозных людей якобы вообще нет ничего святого.

Между тем один из самых ярких и известных христианских философов Николай Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» показал, что даже революционный атеизм русской интеллигенции (включая революционных демократов Виссариона Белинского, Александра Герцена и Николая Чернышевского) по сути был превращенной формой религиозности и по силе веры мало чем от нее отличался. Вот лишь несколько высказываний.

«Русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде».

«Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение...

Удивительная жертвоспособность людей нигилистического миро-созерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом».

«Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова, и про Чернышевского».

«Герцен, Бакунин, даже такие зловещие революционеры, как Нечаев и Ткачев, в каком-то смысле ближе к русской идее, чем западники, просветители и либералы. Воинствующий атеизм русских революционных, социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой».

Немного странно, что в XXI в. приходится напоминать вчерашним атеистам, а ныне радикальным религиозным неофитам, что во имя

научной истины, политических убеждений, любви к ближним и Родине люди отдавали свою жизнь ничуть не реже, чем во имя религиозных убеждений. И не так уж редко шли на костры, разжигаемые религиозными фанатиками.

Оставляя без дальнейшего анализа нравственный аспект проблемы, повторю: одним из последствий принятия закона может стать отсечение целого пласта мировой культуры, причем такого, который ассоциируется именно с просвещением. Соответственно, в наступлении церкви на светское общество явно проявляются контрпросветительские тенденции эпохи.

5. Вне поля регулирования Федеральных законов, однако в рамках законодательства, связанного с разработкой примерных образовательных программ для средней школы, в 2012 г. идеологами, близкими к русской православной церкви, была выдвинута идея равноправия в школьном преподавании эволюционной теории Дарвина и креационизма. Тем самым науку и преподавание предлагается вернуть в XVII в. Именно в XVII, ибо уже в XVIII в. Михайло Ломоносов отчетливо сформулировал отечественную версию теории двойственной истины, соответствующую принципу «Богу — богово, кесарю — кесарево»: «Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии или химии»³.

Вообще-то социологам хорошо известно, что тенденция развития современной цивилизации состоит в формировании не атеистического, но религиозно индифферентного общества. При этом ученые, представители различных конфессий, да и просто граждане в большинстве своем де-факто пользуются идеей двойственной истины. Они прекрасно понимают, что наука не заменит человеку веры, среди прочего, выполняющей и важнейшую психотерапевтическую функцию в условиях глубокого социального отчуждения. Но точно так же и религия не должна вторгаться в сферу науки, ибо упование на Бога там, где человек обязан действовать сам, способно привести лишь к технологическим и социальным катастрофам.

При этом реверансы, которые ученые и служители церкви периодически делают друг другу, имеют, скорее, ритуальный характер. Именно так надо понимать неоднократные заявления римских пап о том, что теория большого взрыва — лишь научное подтверждение акта творения. Аналогичным образом Нобелевский лауреат Жорес Алферов любит повторять, что настоящий ученый выше Президента, ибо, исследуя законы природы, он непосредственно беседует с Богом! Разумеется, образованным людям не приходит в голову идея буквально воспринимать библейскую версию сотворения мира или, наоборот, пытаться полностью вытеснить веру знанием.

Напротив, в современной России, переживающей постреволюционную историческую ситуацию, в соответствии с «законом маятника», в политических элитах наблюдается явная тенденция смены «воинствующего атеизма» демонстративной религиозностью, причем не столько в современных, цивилизованных, просвещенных формах, сколько в формах архаических, примитивных, иногда воинствующих или даже варварских. Разумеется, от идеалов просвещения страна при этом удаляется.

За последнее время едва ли не единственное в пределах законодательства проявление тенденции к светскому образованию — заявление Президента о недопустимости в школах хиджабов и связанные с этим предложения о введении школьной формы. Однако и эта позиция выглядит весьма противоречивой. Российской власти следовало бы определиться:

если она за светское образование, зачем принимаются законы, предусматривающие прямое вмешательство религиозных конфессий в деятельность государственной образовательной системы, несопоставимо более отступающее от принципов светскости, чем любая форма одежды?

если же она за религиозное образование, зачем бороться с хиджабами?

Попытка же «сидеть между двух стульев» вызывает у религиозных меньшинств естественное подозрение, что на деле речь идет о создании преимуществ для одной, главной конфессии и об ограничении проникновения других конфессий в сферу государственного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации»

² Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 9 апреля 2013 г.

³ URL: http://fictionbook.ru/author/litagent_centropoligraf/ot_smeshnogo_do_velikogo_ostroumniye_aforizmiy/read_online.html?page=1

Окончание следует